

85056

85056

85056

PK-1905

18

349 12

151 12

~~N 1277~~

N 93

PK-18

85056

4
1/24
Б. 43.

20

11277
14

А. Богдановъ.

НОВЫЙ МІРЪ.

(СТАТЬИ 1904—1905).

Издание С. Дороватовскаго и Чарушникова.

..... 136

1681
1891
502
БІБЛІОТЕКА
МАРНО-ЛЕНІНСЬКИХ ІНСТИТУТІВ
УКРАЇНСЬКА НАУКА

КУЛЬТУРНО-ПРОСВІТНИЙ
БІБЛІОТЕКА
УЧНИЙ ЗАВІДАННЯ

Проверено
ЦНБ
1939

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА КДУ.
Інв. № 85056

Типо-літографія Т-ва И. Н. Ку
Мо

Проверено
ЦНБ
1939

175
92
58
02

101
101
101

HOBBS M.P.B.

PK-1

85056

101

304 15/04
 15-43 1/04.
 15-43.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

- I. Собираніе челоуѣка (первоначально напечат. въ „Правдѣ“, 1904, 4) I
- II. Нормы и цѣли жизни (напечатано въ „Образованіи“ 1905, 7) 55
- III. Проклятые вопросы философіи (раньше напечатано въ „Правдѣ“, 1904, 12) 136

реп.
1939

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
 БІБЛІОТЕКА КДУ.
 Инв. № 88056

1*

5699. 5401.

348

ОТЪ АВТОРА.

Эти три статьи составляютъ одно цѣлое. Въ нихъ я стремился обрисовать развитіе новаго, высшаго типа жизни, какъ я его понимаю. Статья первая посвящена измѣненію типа человѣческой личности—устраненіе той узости и неполноты человѣческаго существа, которыя создаютъ неравенство, разнородность и психическое разъединеніе людей. Статья вторая говоритъ объ измѣненіи типа общественной системы—устраненіе элементовъ принужденія изъ отношеній между людьми. Статья третья намѣчаетъ измѣненія типа человѣческаго познанія—освобожденіе отъ фетишей, ограничивающихъ и извращающихъ познавательное творчество. Въ выясненіи вопросовъ я старался итти по тому пути, который указанъ

Марксомъ — искать линіи развитія «высшихъ» проявленій человѣческой жизни, опираясь на ихъ зависимость отъ развитія *основныхъ* ея условій. Въ моей работѣ дѣло идетъ, разумѣется, только о самыхъ общихъ контурахъ новаго жизненнаго типа.

I.

Собираніе челоуѣка.

«Создалъ Богъ челоуѣка по образу
и подобию своему...»

Книга бытія.

«Общественное бытіе опредѣляетъ
собою сознаніе людей...»

К. Марксъ.

«Челоуѣкъ — мость къ сверхъ-челоуѣку».

Фр. Ницше.

Что такое челоуѣкъ? Вопросъ этотъ одни рѣшаютъ слишкомъ просто и конкретно, другіе слишкомъ сложно и отвлеченно. Оба типа рѣшеній во многомъ сходятся между собою не только со стороны реального содержанія, которое охватываютъ, но и со стороны основной точки зрѣнія, изъ которой исходятъ. Это *наивныя* рѣшенія.

Для обывателя «челоуѣкъ» вовсе не загадка, не «проклятый вопросъ», а просто живой фактъ его обывательскаго опыта: «челоуѣкъ» — это онъ самъ, и другіе обыва-

тели и всѣ, кто обладаетъ достаточнымъ сходствомъ съ ними. Рѣшеніе, какъ видимъ, не только наивное, но явнымъ образомъ и не вполне опредѣленное. Однако оно совершенно удовлетворяетъ обывателя: своей незатѣйливостью оно какъ нельзя болѣе соответствуетъ несложности запросовъ обывателя, своей узостью — крошечнымъ размѣрамъ того міра, въ которомъ онъ живетъ.

Для философа-метафизика «человѣкъ» — великая загадка, но при помощи «самонаблюденія», «умозрѣнія» и другихъ методовъ онъ разрѣшаетъ ее довольно легко: «человѣкъ» — это существо, одаренное «разумомъ», «нравственною свободою», «стремленіемъ къ абсолютному» и т. п. возвышенными свойствами. Формулы какъ будто не слишкомъ отчетливыя, не слишкомъ точныя; но для метафизика онѣ обладаютъ вполне достаточной опредѣленностью. Онѣ удовлетворительно резюмируютъ его личный опытъ, кабинетный и житейскій: «разумъ» для него означаетъ способность къ схоластическимъ упражненіямъ, съ ихъ тонкостями и ухищреніями; «нравственная свобода» — склонность нарушать свои практическіе принципы и затѣмъ раскаиваться въ томъ, что посту-

пилъ такъ, а не иначе; «стремленіе къ абсолютному» — общую неудовлетворенность жизнью, смутное сознаніе безсодержательности и бесплодности своего существованія, и т. д. И здѣсь наивность мышленія заключается въ томъ, что свой маленькій и дрянной мірокъ, не стараясь расширить и развить его дѣйствительное содержаніе, дѣлають, незамѣтно для себя, мѣрою для такой большой вещи, какъ человѣчество. —

Наивнымъ точкамъ зрѣнія противопологаются научныя. Къ сожалѣнію, въ этомъ вопросѣ ихъ имѣется до сихъ поръ не одна, а нѣсколько. Такъ, для общей науки о жизни «человѣкъ» характеризуется опредѣленными анатомическими и физиологическими особенностями, для психологіи — опредѣленными сочетаніями фактовъ сознанія, для соціальной науки — опредѣленными отношеніями къ себѣ подобнымъ и т. д. Всѣ эти точки зрѣнія, разумѣется, вполне законны и удовлетворительны — каждая въ своей области; но въ одномъ отношеніи онѣ недостаточны и уступаютъ даже наивно-обывательской и наивно-схоластической: всѣ онѣ «парціальны», частичны.

«Человѣкъ» есть цѣлый міръ опыта. Этотъ

міръ не охватывается полностью ни анатомическимъ и фізіологическимъ комплексомъ «человѣческое тѣло», ни психическимъ комплексомъ «сознаніе», ни социальнымъ — «сотрудничество»... И если мы просто соединимъ, механически свяжемъ всѣ эти точки зрѣнія, у насъ еще не получится *цѣлостной* концепціи: собраніе частей еще не есть цѣлое.

Въ этомъ смыслѣ и обывательская точка зрѣнія, и ея разновидность — схоластическая имѣютъ несомнѣнное преимущество: каждая изъ нихъ *формально* беретъ человѣка цѣликомъ, не отвлекая ту или другую его «сторону». Но отъ такой формальной цѣлостности, къ сожалѣнію, толку очень немного, потому что *содержаніе* въ обоихъ случаяхъ берется мелкое и неопредѣленное. Самая «широта» этихъ концепцій оказывается узкой и односторонней: «человѣкъ» выступаетъ въ нихъ не какъ нѣчто безпредѣльно развивающееся, а какъ нѣчто неподвижное въ своихъ основахъ, статически-данное: въ одномъ случаѣ онъ всецѣло ограничивается рамками обывательщины наивной, въ другомъ — рамками обывательщины философской; здѣсь онъ навсегда обрекается быть существомъ «полнымъ страха и надежды, что Богъ сжалится

надъ нимъ», тамъ — существомъ, полнымъ праздныхъ размышлений чистаго разума объ истинномъ познаніи и безнадежныхъ мечтаній разума практическаго о преодолѣніи всѣхъ инстинктовъ. Общая предпосылка состоитъ въ томъ, что «всякой твари предѣлъ положенъ есть», его же не преjdeши...

Задача состоитъ въ томъ, чтобы дать *научную* и въ то же время *интегральную*, а не частичную только концепцію «человѣка». Для этого надо разсматривать человѣка не только какъ цѣлый міръ опыта, но и какъ міръ развертывающійся, неограниченный никакими *безусловными* предѣлами..

I.

Человѣкъ — міръ, но міръ частичный; не космосъ, а микрокосмъ; не Все, а только часть и отраженіе великаго цѣлаго.

Но почему онъ не цѣлое? Что дѣлаетъ его частью? То, что связываетъ его съ цѣлымъ.

Если бы человѣкъ былъ одинъ, онъ не былъ бы микрокосмомъ: Его опытъ и міръ совпадали бы между собою! Онъ, можетъ быть, отличалъ бы отъ своего тѣла другіе предметы, но всѣ они были бы исключи-

тельно предметами *его* опыта. Всякое расширение этого опыта было тогда расширениемъ міра въ цѣломъ.

Общеніе съ другими существами—вотъ что дѣлаетъ человѣка микрокосмомъ.

Только это общеніе научаетъ человѣка тому, что есть вещи, которыя не принадлежатъ къ его опыту, и однако «существуютъ», потому что принадлежатъ къ опыту другихъ людей,—что есть переживанія, которыхъ онъ не испытываетъ и которыя однако «реальны», потому что протекаютъ въ сознаніи другихъ людей. Онъ убѣждается, что потокъ опыта не одинъ, а ихъ много, и всѣ они сливаются для него въ безконечный океанъ, который онъ называетъ природой.

Такимъ образомъ между «человѣкомъ»—индивидуальнымъ міромъ опыта—и «природою»—міромъ универсальнымъ—связь создается средою общенія—соціальной средою въ точномъ смыслѣ этого слова. И если мы хотимъ рѣшить вопросъ, что такое человѣкъ среди всеобщаго мірового процесса, то путь къ рѣшенію лежитъ для насъ черезъ другой вопросъ: въ какомъ отношеніи находится опытъ отдѣльнаго человѣка къ опыту другихъ живыхъ существъ?)

Эти другія существа прежде всего, конечно, люди—именно тѣ, съ которыми онъ находится въ наиболѣе тѣсномъ жизненномъ общеніи,—члены того общества, къ которому онъ принадлежитъ

II.

На зарѣ жизни человѣчества между опытомъ отдѣльнаго человѣка и коллективнымъ опытомъ его «общества» разница сравнительно очень небольшая и очень простая: это разница количества, а не качества.

Первобытное родовое общество—это міръ стереотипныхъ людей, съ ничтожными вариациями повторяющихъ одинъ другого. Формы жизни просты, элементарны, однообразны; все, что доступно въ опытѣ одному члену родовой группы, доступно и всякому другому; что дѣлаетъ и умѣетъ дѣлать одинъ, то дѣлаетъ и умѣетъ всякій другой; что знаетъ одинъ, то знаетъ и всякій другой. Одинакова среда, въ которой каждый изъ нихъ живетъ и дѣйствуетъ: одна и та же маленькая группа людей, одинъ и тотъ же маленькій клочокъ природы. Одинаковы и средства, которыми каждый располагаетъ въ

своей жизни и дѣятельности: одинъ и тотъ же стихійно накопленный группою запасъ трудового опыта, одни и тѣ же примитивныя орудія.

Тутъ нѣтъ ничего такого, что выдѣляло бы нѣкоторыхъ среди остальныхъ принципиально *болѣе широкимъ* содержаніемъ жизни, ничего такого, что отличало бы нѣкоторыхъ отъ остальныхъ принципиально *инымъ* матеріаломъ опыта. Есть только незначительныя количественныя различія силы, ловкости, памяти, сообразительности; по существу въ полномъ жизненномъ циклѣ особей опытъ каждаго равенъ опыту всѣхъ.

Мышленіе людей при этомъ имѣетъ «сплошной» характеръ. Группа живетъ, какъ цѣлое; *нѣтъ личности*, нѣтъ идеи «я», какъ особаго центра интересовъ и стремленій. Оттого и въ первобытныхъ языкахъ не было личныхъ мѣстоименій.

Не разъ пытались идеализировать первобытную жизнь, представить ее золотымъ вѣкомъ позади насъ. Отсутствие власти и подчиненія истолковывали какъ господство свободы и равенства; отсутствие внутренней борьбы въ родовой группѣ и ея тѣсную сплоченность на почвѣ кровной связи—какъ

осуществленіе братства. Все это—большая ошибка. Наши идеи свободы и равенства возникаютъ изъ такого опыта, въ которомъ существуетъ угнетеніе и неравенство;—онѣ выражаютъ активныя стремленія, направленные противъ этихъ фактовъ опыта; наша идея братства также возникаетъ изъ реальныхъ противорѣчій общественной жизни и выражаетъ активныя стремленія, направленные противъ ихъ фактическаго господства. Гдѣ опытъ не даетъ отрицательной основы для этихъ идей, тамъ онѣ пусты и непримѣнимы. Таковы онѣ по отношенію къ первобытному обществу.

Простота и элементарность жизни еще не составляютъ ея гармоніи, потому что гармонія—это примиреніе противорѣчій, а не простое ихъ отсутствіе, объединеніе разнообразнаго, а не простое однообразіе. Если гармонія не всегда воплощается въ могучемъ движеніи, то она всегда заключаетъ въ себѣ *возможность могучаго движенія*. Этого нѣтъ въ первобытной жизни людей: она неподвижна, стихійно-консервативна.

Бѣдность содержанія жизни—такая бѣдность, какой мы не можемъ себѣ представить — основная причина этого консерва-

тизма. Развитие, творчество жизни возникает изъ богатства комбинацій опыта. Гдѣ весь матеріаль опыта сводится къ небольшому числу привычныхъ ассоціацій образовъ, привычныхъ эмоцій и дѣйствій, тамъ нѣтъ условій для развитія и творчества. Гдѣ все строеніе психики основано на привычкѣ, тамъ нѣтъ и потребности въ измѣненіяхъ. Основное орудіе человѣческаго развитія — познаніе — строго говоря, не существуетъ въ этомъ мірѣ: то, что лежитъ въ рамкахъ привычнаго, не вызываетъ потребности «объясненія»; то, что, неожиданно являясь извнѣ, нарушаетъ эти рамки, въ ничтожномъ матеріалѣ психики не находитъ данныхъ для своего объясненія. Жизнь безъ познанія стихійна, власть природы надъ нею безраздѣльна.

III.

При всей своей неподвижности первобытный міръ обладаетъ своими собственными силами развитія. Это, конечно, стихійныя, біологическія силы: размноженіе, перенаселеніе, голодъ... Онѣ вынуждаютъ развитіе, и оно совершается — въ долгомъ ряду тысячелѣтій, съ такой медленностью, которая недоступна нашему воображенію.

Сначала это развитіе имѣетъ чисто-количественный характеръ: поле опыта расширяется, сумма переживаній возрастаетъ,—но «общество» остается комплексомъ *однородныхъ* единицъ, «человѣкъ» — существомъ *цѣльнымъ* и *стереотипнымъ*. Это продолжается до извѣстнаго предѣла, за которымъ измѣненія становятся *качественными*.

Сумма коллективнаго опыта возрастаетъ до такихъ размѣровъ, что отдѣльный человѣкъ овладѣваетъ ею только въ позднихъ стадіяхъ своей жизни, да и то не каждый въ полной мѣрѣ. Тогда выдѣляется старшій въ родѣ, какъ носитель *всего* опыта группы, въ противоположность остальнымъ ея членамъ, располагающимъ лишь *неполнымъ* опытомъ.

Первоначальная однородность отношеній внутри группы шагъ за шагомъ исчезаетъ. Одинъ, опираясь на свой накопленный опытъ, начинаетъ указывать, остальные—слѣдовать его указаніямъ. Это различіе въ дальнѣйшемъ возрастаетъ, потому что неоднородность жизненной роли людей сама обуславливаетъ неоднородность послѣдующаго развитія.

Чтобы въ предѣлахъ своей психики охватить наибольшую сумму опыта, тотъ, кто

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БИБЛІОТЕКА Х.Д.У.

Инв. № 85056

109698
X
МАРШЕВСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ВЕНЕЦИАНСКАЯ

указываетъ другимъ, все въ большей мѣрѣ суживаетъ свою «физическую» активность: онъ рѣже и рѣже дѣйствуетъ лично, чаще и чаще— черезъ другихъ; онъ превращается въ распорядителя *par excellence*, въ *организатора* групповой жизни. Остальные, напротивъ, сохраняютъ все меньше личной инициативы, привыкаютъ подчиняться, становятся постоянными *исполнителями* чужихъ указаній. Относительная бѣдность ихъ жизненнаго содержанія—благопріятное условіе для такой дѣятельности: больше автоматизма, меньше колебаній, организатору легче справляться со своей задачей.

Такъ совершилось первое дробленіе чловѣка—отдѣленіе «головы» отъ «рукъ», повелѣвающего отъ повинующагося; такъ возникла *авторитарная* форма жизни. Въ дальнѣйшей исторіи чловѣчества она, развиваясь и усложняясь и разрушаясь, выступаетъ въ безчисленныхъ варіаціяхъ; до сихъ поръ это—основное и главное раздѣленіе общества. Въ видѣ мягкаго матриархата и суроваго патриархата, въ видѣ облегченной религіозной тайною власти жреческой и облегченной силою оружія власти феодальной, въ видѣ чуждой всякихъ формальностей

системы рабства и полной холодной формализма системы наемного труда, въ видѣ безсмысленно-тупого восточнаго деспотизма и западно-культурной власти избранника, въ видѣ бумажно-сухой власти бюрократа надъ обывателями и опирающейся на нравственную силу власти идеолога надъ его согражданами,—во всѣхъ этихъ измѣняющихся формахъ авторитарное дробленіе чело-вѣка сохраняетъ одну и ту же основу; отчетливо или смутно, опытъ одного чело-вѣка признается принципиально неравнымъ опыту другого, зависимость чело-вѣка отъ чело-вѣка становится односторонней, воля активная отдѣляется отъ воли пассивной.

IV.

Дробленіе чело-вѣка вызываетъ дробленіе міра.

Дѣло начинается съ того, что мышленіе людей перестаетъ быть «сплошнымъ», что одинъ чело-вѣкъ въ ихъ сознаніи отдѣляется отъ другого, какъ особый, своеобразный міръ опыта. Возникаетъ «я»—центръ отдѣльныхъ интересовъ и стремленій. Но оно на-ходится еще въ самомъ началѣ своего раз-

витія: это «я» — личность организатора; ему нѣтъ еще антитезы въ видѣ другихъ «я», которыя бы съ нимъ сталкивались, какъ независимыя отъ него единицы; передъ нимъ только подчиненныя единицы, которыя съ нимъ неразрывно связаны, какъ низшіе органы его организма. Организаторъ не можетъ вполне отдѣлить себя, какъ самостоятельное «я», отъ исполнителей: онъ имъ соотносителенъ, безъ нихъ онъ немыслимъ, какъ и они безъ него; логической невозможностью является и организаторъ безъ исполнителей, и исполнители безъ организатора.

Дальше, авторитарное дробленіе распространяется на всю природу, сохраняя тотъ же характеръ соотносительности и связности.

Первобытному мышленію міръ представлялся какъ хаосъ *дѣйствій*, потому что именно въ формѣ дѣйствій являлась чело-вѣку его собственная борьба за жизнь. При этомъ «дѣйствіе» выступало въ сознаніи какъ единый и цѣльный жизненный актъ среди другихъ такихъ актовъ. — Теперь же «дѣйствіе» дробится въ опытѣ, разлагается на два отдѣльных момента, — на активно-

организаторскую волю и пассивное ея выполнение. И вся природа, какъ міръ дѣйствій, становится такой же двойственной: во всякомъ явленіи принимается активная воля, какъ опредѣляющее, и пассивная сила, какъ опредѣляемое: это «духъ» и «тѣло». Самъ человѣкъ—явленіе въ ряду явленій—подвергается такому раздвоенію на ряду со всѣмъ остальнымъ; онъ пріобрѣтаетъ «душу», какъ пріобрѣтають ее въ то же время камни, растенія, животныя, свѣтила. *Развивается анимизмъ, какъ всеобщая форма мышленія.*

Нѣтъ надобности специально доказывать, что отношеніе «духа» и «тѣла» есть именно авторитарное отношеніе господства и подчиненія, высшаго и низшаго. Но и фактически, насколько мы знаемъ исторію первобытнаго человѣчества, этотъ дуализмъ именно тамъ и тогда возникаетъ въ сознаніи людей, гдѣ и когда въ общественной системѣ уже существуетъ авторитарное дробленіе. И дальше, по мѣрѣ того, какъ авторитарное дробленіе развивается, усложняется, мѣняется свои формы, то же самое происходитъ съ авторитарнымъ дуализмомъ мышленія. Когда обширные ряды явленій сознаніе группируетъ въ сложные единства, то за каждымъ

такимъ рядомъ выступаетъ организующая его высшая сила, и божества политеизма занимаютъ свои почетныя мѣста въ человѣческомъ мышленіи. Когда развивающееся познаніе достигаетъ объединенія всѣхъ рядовъ опыта въ *Universum*, въ міровое цѣлое, тогда наступаетъ эпоха единобожія. Когда противорѣчія соціальной жизни, отражаясь въ психикѣ личности, порождаютъ *этическое* міровоззрѣніе, тогда человѣкъ раздвѣиваетъ собственное сознаніе противопоставляя въ немъ высшія стремленія низшимъ, разумный долгъ—слѣпымъ инстинктамъ... Дуализмъ и религіозное сознаніе дороги именно тѣмъ классамъ общества, которые живутъ въ атмосферѣ авторитарныхъ отношеній по преимуществу, которые тяготеютъ къ власти и подчиненію. Гдѣ расцвѣтаетъ авторитарная жизнь, тамъ расцвѣтаетъ и дуалистически-религіозное міропониманіе; и въ такой же связи совершается ихъ упадокъ...

Авторитарный дуализмъ есть исторически-первая форма «міровоззрѣнія»: до него не было той связи опыта, для которой подходило бы это слово. Вмѣстѣ съ авторитарнымъ дуализмомъ возникло то, что мы на-

зываемъ «познаніемъ»: различая въ явленіяхъ активное и пассивное начало, человѣкъ тѣмъ самымъ уже «объясняетъ» черезъ первое проявленія второго. Это, разумѣется, только начало познавательнаго развитія; цѣпь «объясненія», цѣпь причинности обрывается здѣсь уже на второмъ звенѣ: если явленіе имѣетъ свою причину въ собственной «душѣ», то дальше этой души объясненію итти некуда. Но подобно тому, какъ авторитарныя отношенія, расширяясь, развертывались въ длинные ряды послѣдовательныхъ звеньевъ, усложнялась и развертывалась также цѣпь причинности; въ общественной жизни людей авторитарныя ряды отношеній всегда сходились въ какомъ-нибудь одномъ высшемъ авторитетѣ; и точно такъ же познаніе людей стремилось сводить всѣ причинныя ряды въ одной высшей первопричинѣ. Такъ познаніе отражаетъ общественную жизнь людей не только въ своемъ содержаніи, но и въ своихъ формахъ.

V. ✓

Въ сущности, авторитарныя формы дробятъ не столько самое *содержаніе* человѣческаго опыта, сколько *отношеніе* людей къ дан-

нымъ опыта. Такъ, кто повелѣваетъ, и тотъ, кто подчиняется, неминуемо съ *различной* точки зрѣнія воспринимаютъ одни и тѣ же факты.

Вторая фаза дробленія человѣка — спеціализація — идетъ въ другомъ направленіи. Здѣсь для каждаго качественно суживается *содержаніе* жизни, и коллективный опытъ оказывается раздѣленнымъ между людьми такъ, что одному достается по преимуществу одна его область, другому другая и т. д. Сапожникъ знаетъ свои колодки, купецъ свой прилавокъ, ученый свои фоліанты, жрецъ свои молитвы, философъ свои силлогизмы. Микрокосмъ дѣлается малъ и узокъ, міръ заслоняется колодками, прилавками, фоліантами, мысль вращается въ тѣсномъ кругу, и не можетъ изъ него выбраться. Это суженное существованіе неспособно къ самостоятельности и потому даже не въ силахъ окончательно вывести человѣка изъ-подъ власти авторитаризма: она сохраняется въ видѣ патріархальнаго господства отца въ семьѣ, экономическаго господства предпринимателя въ предпріятіи, политически-организаторской роли бюрократіи, идейно-организаторской роли идеологовъ и т. д.

Спеціальнымъ опытомъ опредѣляется спеціальное міровоззрѣніе. Въ сознании одного спеціалиста жизнь и міръ выступаютъ какъ мастерская, гдѣ каждая вещь готовится на свою особую колодку, въ сознании другого—какъ лавка, гдѣ за энергію и ловкость покупается счастье; въ сознании третьяго—какъ книга, написанная на разныхъ языкахъ и разными шрифтами, въ сознании четвертаго—какъ храмъ, гдѣ все достигается путемъ заклинаній, въ сознании пятаго—какъ сложная, развѣтвляющаяся схоластическая задача и т. д., и т. д. Въ мірѣ торговли и кредита вырастаетъ утилитаристъ, для котораго любое проявленіе жизни ариѳметически оцѣнивается на разнѣнную монету выгоды въ атмосферѣ специально-правовой дѣятельности—юристъ, который даже законы природы невольно разсматриваетъ какъ нормы, извнѣ для нея установленныя и не подлежащія нарушенію; среди стихійно-могучей и гармонически-связной работы машинъ современный работникъ безсознательно усваиваетъ механическую концепцію природы... Всякій строитъ міръ по образу и подобию своего спеціальнаго опыта. ~

Вмѣстѣ съ тѣмъ суживается возможность

взаимнаго пониманія людей. Имѣя дѣло съ различнымъ содержаніемъ опыта и создавая для этого содержанія неодинаковыя формы, члены общества, развившаго спеціализацію, говорятъ неминуемо на разныхъ языкахъ. И если бы спеціализація могла безконечно развиваться, если бы на ряду съ дробленіемъ коллективнаго опыта значительная его часть не оставалась общею для всѣхъ, то повторилась бы исторія вавилонскаго столпотворенія, и люди принуждены были бы разойтись, вслѣдствіе полнаго взаимнаго непониманія.

Спеціализація не разрушила общества, но всеже она въ высокой степени его разъединила.

VI.

Хотя спеціализація возникла среди авторитарныхъ отношеній, но, развиваясь, она перестаетъ укладываться въ рамки той или иной авторитарной группы. Въ своей обособленной сферѣ опыта каждый спеціалистъ встрѣчаетъ гораздо меньше сопротивленій, чѣмъ прежніе цѣльные люди въ своемъ разностороннемъ мірѣ; поэтому расширение опыта идетъ здѣсь несравненно быстрѣе. Міръ коллективный, разрастаясь одновременно по

различнымъ «спеціальнымъ» направленіямъ, достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ по сравненію съ прежней суммой коллективнаго опыта.

Между тѣмъ, силы стараго авторитета ограничены, хотя бы потому, что форма его конкретна и персональна;—онъ воплощается въ живомъ человѣкѣ, а никакихъ силъ человѣческихъ не хватитъ на то, чтобы овладѣть всей суммой опыта, какую представляетъ жизнь специализированнаго общества. Коллективное цѣлое уже не можетъ сдерживаться и регулироваться одной волею, оно дробится, распадается на независимыя группы. Это—индивидуальныя хозяйства.

Центромъ каждой такой группы становится отдѣльный «специалистъ». Онъ участвуетъ въ соціальной жизни, какъ вполне самостоятельная единица, которой ничья чужая воля не предписываетъ ни путей, ни средствъ въ ея трудовой дѣятельности. Общество, какъ цѣлое, становится неорганизованной, анархической системой, и потому оно полно противорѣчій. Живя разнородною жизнью, будучи независимы по формѣ, но постоянно сталкиваясь въ силу необходимой матеріальной связи, элементы общества ока-

зываются взаимно неприспособлены, а это значитъ — взаимно враждебны. Коллективный міръ превращается тогда въ міръ конкуренціи, борьбы интересовъ, войны всѣхъ противъ всѣхъ...

Тогда развивается и выступаетъ на первый планъ человѣческое «я».

VII.

✓

Въ міръ спеціализаціи уже одно различіе жизненнаго опыта вмѣстѣ съ его результатомъ — неполнымъ взаимнымъ пониманіемъ людей — глубоко ограничиваетъ человѣка отъ человѣка въ ихъ сознаніи. Это ограниченіе упрочивается благодаря внѣшней независимости отдѣльной личности, отъ другихъ, въ ея трудовой дѣятельности. Оно завершается на основѣ взаимной борьбы людей, вытекающей изъ противорѣчія ихъ жизненныхъ интересовъ.

Реально противопоставляясь другимъ «я», человѣческое «я» становится самостоятельнымъ центромъ интересовъ и стремленій. Молоть общественнаго антагонизма выковываетъ индивидуалистическое сознаніе.

Передъ нами уже не то соотнositельное

«я» авторитарнаго міра, которое не можетъ представить себя безъ исполнительскаго «ты»: передъ нами «я» абсолютное, «я» für sich, чуждое сознанія своей органической связи съ другими «я» и всѣмъ міромъ.

Старый авторитетъ не въ силахъ примириться съ этимъ развивающимся анархическимъ сознаніемъ—онъ вступаетъ въ борьбу съ нимъ, пытается подавить его. Въ борьбѣ съ авторитетомъ индивидуализмъ становится *освободительнымъ* теченіемъ. Эта его роль имѣетъ громадное историческое значеніе; но она исторически преходяща. Въ старыхъ революціяхъ XVII и XVIII вѣка она выступаетъ еще въ полной силѣ; въ революціяхъ нашего времени борьба индивидуализма противъ авторитарнаго прошлаго все болѣе отступаетъ передъ его борьбой противъ социалистическаго будущаго.

VIII.

«Абсолютное» индивидуальное «я» выражаетъ собою социально-раздробленный опытъ и жизненное противоположеніе человѣка человѣку. Понятно, что единство общественнаго цѣлаго—вне его поля зрѣнія. И это

единство не только невидимо для личности,—оно, кромѣ того, несовершенно, стихійно, неорганизовано; оно полно жизненныхъ противорѣчій. Личность *ниже* этихъ противорѣчій недоступнаго и непонятнаго ей цѣлаго, она безсильна передъ ними; стихійныя силы общественной жизни господствуютъ надъ человѣкомъ.

Каковъ опытъ, таково мышленіе. Оно индивидуалистично, его вѣчнымъ центромъ является «я», «абсолютное», оторванное отъ общественнаго — и тѣмъ болѣе отъ мірового цѣлаго: это «я» — «субъектъ», противостоящій всему остальному, какъ «объекту»; въ безконечномъ ряду явленій дѣйствительности оно не находитъ себѣ мѣста. Оно мучительно чувствуетъ господство надъ собою какихъ-то темныхъ стихійныхъ силъ,—но эти силы переходятъ за предѣлы его опыта, онѣ сверхъ-индивидуальны; и свое смутное представленіе о нихъ человѣкъ воплощаетъ въ безличныхъ абстракціяхъ метафизики, съ ихъ неопредѣленнымъ, колеблющимся содержаніемъ. Вся жизнь, весь міровой процессъ представляются тогда сознанію «проявленіемъ» таинственныхъ, безлично-абстрактныхъ реальностей, глубоко скры-

тыхъ подъ корою «видимаго» міра, какъ его непознаваемая «сущность».

Въ философскихъ головахъ эти метафизическія формы мышленія получаютъ только наиболѣе чистую и тонкую отдѣлку; но онѣ характерны для *всякаго* индивидуалистическаго сознанія, какъ бы ни было смутно и неуклюже ихъ выраженіе въ психикѣ неученаго обывателя.

IX.

Воплощая въ себѣ раздробленный, противорѣчивый опытъ, индивидуалистическое сознаніе необходимо становится жертвою «проклятыхъ вопросовъ». Это тѣ безнадежно-безплодные вопросы, на которые вотъ уже столько вѣковъ «глупецъ ожидаетъ отвѣта». Что я такое? — спрашиваетъ онъ, — и что этотъ міръ? Откуда все это? Зачѣмъ? Почему столько зла въ мірѣ? и т. д., до безконечности.

Присмотритесь къ этимъ вопросамъ, и вамъ станетъ ясно, что это—вопросы раздробленнаго человѣка. Именно ихъ должны были бы задавать себѣ разъединенные органы одного организма, если бы продолжали жить и могли спрашивать.

Что я такое?—развѣ это не самый естественный вопросъ для какого-нибудь пальца руки, оторваннаго отъ тѣла? Зачѣмъ я? откуда?—какъ не спрашивать объ этомъ живой части, потерявшей связь со своимъ жизненнымъ цѣлымъ? И неминуемымъ дополненіемъ этихъ вопросовъ выступаютъ другіе—относительно того цѣлаго, которое необходимо и въ то же время недоступно для своей части: что такое міръ, зачѣмъ онъ, откуда? А тамъ, гдѣ проходитъ разрывъ живой ткани, отдѣляющій органъ отъ тѣла—тамъ чувствуется мучительная, непонятная боль—и вотъ вопросы о злѣ въ жизни.

Безнадежность вопросовъ вытекаетъ изъ того, что никакіе отвѣты на нихъ все равно не могутъ и не должны удовлетворить индивидуалистическаго сознанія. Вѣдь эти вопросы выражаютъ муки разорванной жизни—и пока она остается разорванной, никакой отвѣтъ не прекратитъ боли, потому что на боль вообще не можетъ быть отвѣта. Здѣсь все бесполезно; даже когда развивающаяся критика докажетъ, что эти вопросы невѣрно поставлены, не имѣютъ смысла, основаны на ложныхъ посылкахъ—даже тогда индивидуалистическое сознаніе не перестанетъ

задавать ихъ, потому что критика не въ силахъ *реально* преобразовать это сознаніе, не въ силахъ превратить его изъ жизненной дроби въ цѣлое.

Х.

Спеціализація не устранила авторитарнаго дробленія человѣка; она только ограничила его поле и создала для него новыя рамки. «Спеціалистъ» — ремесленникъ, крестьянинъ, ученый — не только внѣшнимъ образомъ независимъ въ своей дѣятельности, но онъ еще «авторитетъ» въ предѣлахъ той маленькой группы, съ которой связанъ прямой жизненной связью: онъ «глава» своей семьи — своего хозяйства. «Мѣщанскій міръ» — это міръ авторитарно-индивидуалистическій.

Блестящій представитель этого міра Людвигъ Бёрне опредѣлялъ, помнится, свободу, какъ деспотизмъ въ извѣстной, ограниченной сферѣ. Эта сфера прежде всего, конечно, семья; и потому великій либералъ горячо отстаивалъ рабство женщины и дѣтей.

Мышленіе мѣщанскаго міра естественно совмѣщаетъ въ себѣ и авторитарный дуализмъ, и индивидуалистическую разорван-

ность. Оно религіозно и метафизично. Его *Universum* раздвоенъ по всей линіи и полонъ таинственныхъ противорѣчій.

XI.

Дробленіе человѣка порождаетъ не только неполноту жизни, раздвоенность опыта, разорванность міра; оно порождаетъ реальныя жизненныя противорѣчія, и черезъ нихъ—развитіе.

Въ раздробленномъ человѣкѣ со стихійной силою возникаетъ потребность стать цѣлымъ. Она несетъ ему тяжелыя муки неудовлетворенности, но и толкаетъ его на путь борьбы за ея удовлетвореніе. На этомъ пути совершается *собираніе человѣка*.

Процессъ этотъ жизненно-сложнѣе и потому жизненно труднѣе, чѣмъ процессъ дробленія. Такимъ образомъ, пока этотъ послѣдній развивается прогрессивно, первый неминуемо отстаетъ отъ него все болѣе. Въ результатъ—хотя собираніе человѣка постоянно *вызывается* дробленіемъ и идетъ за нимъ слѣдомъ, но оно имъ совершенно *маскируется* въ теченіе долгихъ періодовъ жизни человѣчества. Только тогда, когда про-

цессъ дробленія замедляется и пріостанавливается, только тогда процессъ собиранія выступаетъ на первый планъ и налагаетъ свою печать на развитіе жизни человѣчества.

Новѣйшее время исторіи является эпохой собиранія человѣка.

XII.

Въ специализированномъ обществѣ потребность объединить, собрать раздробленный опытъ достигаетъ такой силы, что вызываетъ *сознательныя* попытки въ этомъ направленіи. Эти попытки носятъ названіе «философіи». Задача философіи—гармонически-единое мышленіе міра—совпадаетъ съ задачей собиранія человѣка, потому что міръ есть вся сумма доступнаго людямъ опыта.

Пока дробленіе человѣка прогрессивно развивалось, работа философіи была работою Сизифа. Это была мучительная трагедія героическихъ умовъ, вновь и вновь повторявшихъ безнадежныя усилія связать тонкими, свѣтлыми нитями идей глубоко разорванную и все дальше расползающуюся ткань міра.

На извѣстной стадіи развитія этой трагедіи въ нее вступаетъ элементъ комическаго.

Философъ дѣлается *спеціалистомъ*, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе узкимъ. У него оказывается своя специальная область опыта — область словъ, выражающихъ попытки объединенія опыта. Онъ перестаетъ быть энциклопедистомъ, какимъ былъ раньше, и уже не стремится быть имъ. Онъ замыкается въ специальность и становится ходячимъ противорѣчiemъ: оторванный кусокъ, серьезно занимающійся сшиваніемъ цѣлаго.

Идя по этому пути, философъ все больше превращается въ филистера. Его дѣятельность становится систематическимъ штопаньемъ дыръ мірозданія бумажной тканью его ночного колпака. Таковъ преобладающій типъ современныхъ гносеологовъ и метафизиковъ. Бесполезность ихъ усилій только смѣшна, ихъ судьба—фарсъ, а не трагедія.

Каждый изъ нихъ искренно считаетъ себя наслѣдникомъ философскихъ геніевъ прошлого—героевъ борьбы за единство міра и человѣка—и не замѣчаетъ, что въ дѣйствительности онъ только плохой портной, не болѣе.

Филистерская философія, разумѣется, бесполезна и даже вредна для дѣла собиранія человѣка. Оно осуществляется помимо нея,

не схоластической болтовней, а самой жизнью. Сама жизнь становится «философіей».

ХІІІ.

Самый живой, самый типичный и яркій примѣръ собиранія челоуѣка мы найдемъ именно тамъ, гдѣ дробленіе челоуѣка дошло до послѣдней крайности.

Предѣлъ дробленія челоуѣка—это деталь- ный работникъ мануфактуры. Уже ремеслен- никъ былъ «узкимъ специалистомъ», дробью челоуѣка по содержанію и по объему опыта; но работникъ мануфактуры сдѣлался мелкой частью ремесленника. Одинъ всю жизнь об- тачивалъ остріе иглоуѣка, другой—всю жизнь пробивалъ ушко... Это были люди-машины.

Они и отупѣли почти до степени ма- шинъ. И чѣмъ больше каждый изъ нихъ тупѣлъ, утрачивая жизнь и индивидуаль- ность, тѣмъ лучше онъ былъ въ качествѣ машины—и тѣмъ выгоднѣе для того, кто надъ нимъ господствовалъ и имъ пользо- вался.—Выгода и привела къ полному устра- ненію этой индивидуальности и этой жизни: детальнаго работника замѣнила *машина*, и это оказалось возможно и сравнительно

легко—до такой степени онъ былъ раздробленъ и упрощень.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ явился новый типъ труда: работникъ машиннаго производства.

Работникъ мануфактуры былъ мыслимъ только какъ *исполнитель* чужихъ указаній: онъ былъ машиной, а машиной надо управлять. Работникъ при машинѣ—тоже исполнитель, но *не только* это: онъ *управляетъ* машиною. Онъ направляетъ и контролируетъ дѣятельность механизма,—работа по своему психическому содержанію того же типа, какъ дѣятельность организатора, направлявшаго и контролировавшаго трудъ мануфактурныхъ работниковъ. «Организаторскія» качества — интеллигентность, вниманіе — нужны машинному работнику даже въ большей степени: детальнаго работника понимать было легко, и слушался онъ почти всегда; но машину понимать зачастую гораздо труднѣе, и она нерѣдко перестаетъ слушаться...

Такъ въ мірѣ техники дѣлается важный шагъ на томъ пути, на которомъ преодолевается основное — авторитарное — дробленіе человѣка: возникаетъ психическій типъ, совмѣщающій организаторскую и исполнитель-

скую точку зрѣнія въ одной непосредственно-цѣльной дѣятельности.

Этого мало. Требуя отъ работника интеллигентности и вниманія, машина въ то же время *сама по себѣ* вовсе не способна удовлетворить вызваннымъ ею запросамъ. Работа при машинѣ пуста, мало содержательна; она только время отъ времени полностью занимаетъ интеллектъ и вниманіе. Приходится искать для нихъ иной пищи, чтобы заполнить пустоту. Развиваются умственные интересы, стремленіе углубить и расширить опытъ—интересы и стремленія, направленные къ собиранію человѣка.

Но какъ удовлетворить ихъ? Объ этомъ заботится капиталъ. Онъ собираетъ *людей*,— и это ведетъ къ собиранію человѣка.

Капиталъ объединяетъ людей большими массами за общей работой. Имъ надо только *понимать* другъ друга, чтобы взаимно расширять и углублять свой опытъ. И къ этому взаимному пониманію нѣтъ прежнихъ препятствій, потому что тутъ передъ нами уже люди, а не специализированныя машины мануфактуръ.—При какихъ бы различныхъ машинахъ ни находились машинные работники, въ общемъ характерѣ и содержаніи ихъ тру-

да всегда много сходнаго; и это сходство все болѣе возрастаетъ, по мѣрѣ того какъ машина совершенствуется и приближается къ своему идеалу—автоматическому механизму. Такимъ образомъ, общности опыта достаточно для взаимнаго пониманія при общеніи. И общеніе развивается.

Такъ шагъ за шагомъ преодолевается вторая форма дробленія человѣка—спеціализація.

XIV.

На основѣ общности опыта, какъ той, которая дана непосредственно, такъ и той, которая развивается путемъ общенія, возникаютъ, далѣе, новыя и болѣе совершенныя формы собиранія человѣка.

Типичнѣйшая изъ этихъ формъ есть групповое и классовое самосознаніе. Оно расширяетъ индивидуальный опытъ до группового и болѣе широкаго—классового, индивидуальные интересы и стремленія до групповыхъ и затѣмъ классовыхъ. Это—необходимая стадія собиранія человѣка.

На ея почвѣ въ свою очередь возникаютъ различныя новыя формы и комбинаціи собиранія людей,—экономическіе, политическіе,

идейные союзы, партіи, доктрины. Однѣ изъ нихъ оказываются болѣе жизнеспособными, другія менѣе; однѣ развиваются другія распадутся. Но въ конечномъ счетѣ, прямо и косвенно, всѣ онѣ служатъ дѣлу собиранія чловѣка.

XV.

Машина родилась въ мірѣ конкуренціи, общественнаго антагонизма. Эту конкуренцію, этотъ антагонизмъ она, какъ извѣстно, обострила, довела до крайности. Но тѣмъ самымъ она обострила и усилила *потребность развитія*.

Для конкуренціи становится необходимымъ непрерывное, планомѣрное совершенствованіе техники въ каждой данной ея области. Потребность эта удовлетворяется выработкой общихъ техническихъ методовъ.

Общіе методы техники ведутъ къ тому, что всѣ машины шагъ за шагомъ приближаются къ высшему ихъ типу—автоматическому механизму. Этотъ процессъ не только прямо и непосредственно уменьшаетъ значеніе спеціализаціи, увеличивая сходство различныхъ формъ труда, — онъ имѣетъ еще иное, косвенное, но громадное значеніе для дѣла собиранія чловѣка.

Наука въ своей основѣ есть систематизація техники: ея матеріаломъ является «трудъ, который есть опытъ, и опытъ, который есть трудъ». *Общіе техническіе методы она выражаетъ и отражаетъ въ общихъ методахъ познанія.* Она становится монистичной.

Всеобщій научный законъ сохраненія и превращенія энергіи есть именно всеобщій техническій принципъ машиннаго производства: онъ выражаетъ собою тотъ основной фактъ всякаго человѣческаго труда, что работа необходимо почерпается изъ какаго-нибудь наличнаго запаса силъ. А дополняющій собою законъ энергіи всеобщій ограничительный законъ энтропіи отражаетъ собою всеобщую ограниченность человѣческой техники: наличный запасъ энергіи никогда не можетъ быть всецѣло, полностью использованъ человекомъ.

Такъ систематизируется весь коллективный опытъ въ объединяющія формы познанія, доступныя психикѣ отдѣльнаго человека. Знаніе общихъ методовъ замѣняетъ знакомство съ безконечными деталями. Не специалистъ тогда въ любой специальной области перестаетъ чувствовать себя чуждымъ:

ему, конечно, многія частности и мелочи *неизвѣстны*, но все въ общемъ для него *понятно*, и съ каждой изъ этихъ частныхъ и мелочей онъ можетъ легко ознакомиться, какъ только пожелаетъ. Специалистъ же остается такимъ лишь въ сферѣ деталей; а въ сферѣ методовъ—т.-е. во всей *активной* сторонѣ своего спеціальнаго опыта—онъ уже чело^{вѣ}къ.

Специалистъ прежняго типа становится не только уродливой, но и бесполезной фигурой; онъ не въ силахъ ничего создать въ своей области, потому что приемы его стереотипны, а техника узка и бѣдна. Въ лучшемъ случаѣ онъ годится еще для собиранія фактовъ, но и тутъ зачастую приносить вредъ вмѣсто пользы, не умѣя разобраться въ этихъ фактахъ, безъ толку ихъ нагромождая или даже безсознательно ихъ искажая соотвѣтственно своей отжившей точкѣ зрѣнія.—Когда же онъ выступаетъ въ область широкихъ обобщеній, то оказывается прямо реакціонеромъ: въ біологіи онъ—виталистъ, въ экономической наукѣ «Grenz-nützer», въ философіи — метафизикъ, повсюду—схоластикъ. Тутъ онъ еще вреденъ, но для развивающагося познанія уже не страшенъ; его

величественная мина вызываетъ только веселый смѣхъ молодой критики.

На смѣну старому филистеру-специалисту приходитъ новый типъ ученаго: широко образованный, монистически мыслящій, социальнo живущій. Въ немъ выражается сознательно-систематическое собираніе человѣка; оно идетъ чѣмъ дальше, тѣмъ успѣшнѣе, потому что находитъ себѣ опору въ стихійно-общественномъ процессѣ. Лучшимъ, почти идеальнымъ воплощеніемъ этого типа былъ тотъ, кто первый далъ монистическое пониманіе общественной жизни и развитія—великій философъ-боецъ Карлъ Марксъ.

XVI.

Собираніе человѣка происходитъ различными путями: я указалъ изъ нихъ только основные—въ сферѣ техники и познанія. Прослѣживать всѣ производные—въ области «политическихъ», «правовыхъ», «нравственныхъ» отношеній—было бы слишкомъ долго. Важно то, что каждый новый шагъ на этомъ пути облегчаетъ дальнѣйшее, увеличивая связь и взаимное пониманіе тѣхъ элементовъ человѣчества, которые вовлечены въ про-

цессъ «собиранія». Слѣдовательно, какъ ни труденъ, какъ ни мучителенъ порою этотъ процессъ, но съ каждой новой своей фазой онъ осуществляется все легче. Скорость его возрастаетъ.

XVII.

Куда же ведетъ эта линія развитія? Къ превращенію человѣка—дробі, въ человѣка—цѣлое. Но что это значитъ?

Должно ли при этомъ получиться возвращеніе къ первобытному типу стихійно-цѣлостной жизни, когда опытъ каждого и опытъ всѣхъ совпадали, когда человѣкъ былъ стереотипно-повторяющимся элементомъ недифференцированнаго цѣлаго? Конечно, нѣтъ.

По мѣрѣ завоеванія человѣкомъ природы сумма коллективнаго опыта возрастаетъ до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что ее нельзя себѣ представить полностью вмѣщающейся въ каждую отдѣльную психику. И самый процессъ собиранія человѣка, насколько онъ намъ извѣстенъ, направленъ вовсе не къ такому чудовищному распуханію человѣческой души.

Дѣло идетъ о возрастающей общности *основного содержанія* опыта, а не безчислен-

ныхъ частныхъ переживаній; о возможности *полнаго взаимнаго пониманія* людей, а не объ ихъ психическомъ тождествѣ; о способности каждаго во всякое время *овладѣть* какой угодно частью опыта другихъ людей, а не о фактическомъ обладаніи всѣмъ этимъ опытомъ.

Первобытная цѣльность основывалась на ограниченности жизни и соединялась съ крайнимъ ея консерватизмомъ; та новая цѣльность, къ которой ведетъ собираніе чело-вѣка, должна охватить громадное богатство жизни и дать просторъ ея безпредѣльному развитію. Первая имѣетъ статическій характеръ, вторая—динамическій; первая является *привычною*, вторая — *пластичною*; сущность первой составляетъ простота, сущность второй—гармонія.

Вы смотрите вокругъ себя, въ полѣ вашего зрѣнія развертывается безконечный міръ. Въ вашихъ глазахъ лучи свѣта рисуютъ изображенія предметовъ; это уменьшенные, но «вѣрные» изображенія. Одни предметы ближе къ вамъ и воспринимаются съ большею детальною, другіе дальше и воспринимаются лишь въ общихъ чертахъ, третьи въ данный моментъ недоступны ва-

шему зрѣнію. Для другого человѣка всѣ отношенія иныя: онъ видитъ тѣ предметы, которыхъ вы не видите, и, наоборотъ, для него съ мелкими подробностями выступаютъ такія части среды, которыя вамъ являются лишь въ видѣ смутныхъ контуровъ, и т. д. Словомъ, поле зрѣнія у него *другое*. Но вамъ стоитъ только подойти или приложить къ глазамъ бинокль, чтобы разглядѣть любой изъ ближайшихъ къ нему предметовъ настолько же ясно и детально, насколько онъ его видитъ. Зрительный міръ у васъ *обоихъ одинъ и тотъ же*, и оба вы располагаете *общими методами*, чтобы зрительно «овладѣть» любой частью этого міра.

Однако если вы живете на маленькомъ островѣ, котораго не можете покинуть, или если вы не знаете употребленія оптическихъ инструментовъ, которыми пользуются другіе, то для васъ зрительный міръ не тотъ, что для другихъ людей, и вамъ «непонятны» ихъ описанія другихъ странъ, ихъ сообщенія относительно формы и движенія планетъ и тому подобныя высказыванія.

Подставьте въ обоихъ случаяхъ вмѣсто зрительнаго міра коллективный опытъ, и вы получите антитезу между гармонической

жизнью будущаго, къ которой ведетъ собираніе человѣка, и современной отживающей специализаціей. Если человѣкъ владѣетъ выработанными общими методами познанія и практики, то стоитъ ему «подойти» съ этими методами къ любому вопросу, къ любой жизненной задачѣ и онъ разрѣшитъ этотъ вопросъ, эту задачу, хотя они внѣ его «спеціальности». А при старой специализаціи человѣкъ «подойти» не въ силахъ, общихъ методовъ не имѣется, — для разрѣшенія частнаго вопроса частной задачи надо овладѣть цѣлой новой специальностью, что можетъ потребовать всей жизни человѣка.

Когда въ опытѣ каждаго имѣется уменьшенное, но вѣрное и гармоничное отраженіе опыта всѣхъ, когда въ переживаніяхъ другого никто не находитъ ничего принципиально недоступнаго и непонятнаго, тогда «спеціальный» трудъ такъ же мало отрываетъ человѣка отъ коллективной жизни, какъ данное поле зрѣнія отрываетъ его отъ всего зрительнаго міра. Тогда жизнь можетъ свободно расширяться во всякомъ данномъ направленіи, не уродуясь, не искажаясь, не дѣлаясь болѣзненно-односторонней.

Къ этому ведетъ собираніе человѣка.

XVIII.

Человѣкъ—отраженіе общества. Какимъ же общественнымъ отношеніямъ соотвѣтствуетъ новый, развивающійся типъ человѣческой жизни?

Принципіальное равенство опыта, соединенное съ полнымъ взаимнымъ пониманіемъ людей, можетъ явиться только результатомъ широкаго общенія людей при полномъ равенствѣ ихъ взаимнаго положенія. Этимъ условіямъ соотвѣтствуетъ только одинъ типъ отношеній между людьми—отношенія *товарищескія*. Отношенія эти по существу враждебны всякимъ перегородкамъ между людьми—всякому подчиненію и суженію, — всякому дробленію человѣка.

Собираніе человѣка и совершается въ дѣйствительности именно тамъ и постольку, гдѣ и поскольку ношенія авторитаризма и спеціализаціи смѣняются товарищескими.

Доказывать это нѣтъ надобности; подробно выяснять—здѣсь не приходится.

XIX.

Несомнѣнно, что всеобщія товарищескія отношенія и полное взаимное пониманіе лю-

дей означаютъ уничтоженіе общественныхъ противорѣчій и антагонизмовъ.

Здѣсь возникаетъ вопросъ о *силахъ развитія*.

Противники товарищескихъ отношеній утверждаютъ, что сами по себѣ эти отношенія застойны, именно потому, что гармоничны. Только борьба между людьми — въ видѣ войнъ, конкуренціи, групповаго антагонизма, наконецъ, хотя бы ослабленнаго психическаго отраженія этой борьбы — соревнованія, — только она, по ихъ мнѣнію, вызываетъ развитіе и гарантируетъ его непрерывность. Гдѣ есть гармонія, тамъ некуда и не зачѣмъ итти дальше.

Такъ ли это?

Развѣ жизненная борьба прекращается съ прекращеніемъ борьбы между людьми? Развѣ стихійная природа заключаетъ тогда миръ съ человѣческимъ сознаніемъ? Развѣ страданія, смерть, непознанное нашего міра и неизвѣстное другихъ, отдаленныхъ міровъ перестаютъ окружать человѣка? Развѣ великій врагъ раскрываетъ ему тогда свои объятія?

Борьба человѣка противъ человѣка — это только дорогая цѣна, которою покупается *стихійное* развитіе. Масса силъ бесплодно

растрачивается на эту борьбу, и только небольшая часть ихъ идетъ прямо на то, чтобы сдѣлать человѣка сильнѣе и совершеннѣе. Съ прекращеніемъ такой растраты силъ начинается эпоха *сознательнаго* развитія.

Тамъ, гдѣ опытъ cadaго непрерывно получаетъ новое и новое содержаніе изъ опыта всѣхъ, гдѣ изъ взаимнаго общенія людей для cadaго непрерывно возникаютъ новые и новые вопросы и задачи, гдѣ гармоническое объединеніе коллективныхъ силъ даетъ каждому возможность вступать въ общую борьбу противъ стихійной природы съ увѣренностью въ побѣдѣ,—тамъ не можетъ быть вопроса о стимулахъ развитія.

Кто считаетъ борьбу между людьми необходимымъ условіемъ ихъ развитія, тотъ просто обобщаетъ свой узкій опытъ, грубо переноситъ прошлое въ будущее. Нерѣдко человѣкъ, воспитанный на розгѣ, считаетъ невозможнымъ безъ ея помощи научить дѣтей чему-нибудь. Это та же логика.

Собираніе человѣка ведетъ не къ застою, а къ смѣнѣ одного типа развитія другимъ: дисгармоническаго развитія человечества раздробленнаго — гармоническимъ развитіемъ объединеннаго человечества.

Въ сущности, дробленіе человѣка никогда не было *только* дробленіемъ. Оно совершалось гораздо больше путемъ односторонняго развитія, чѣмъ путемъ сокращенія жизни, гораздо больше путемъ гипертрофіи одной ея стороны, чѣмъ путемъ атрофіи другихъ сторонъ. *Полнота жизни* при этомъ не уменьшалась, а возрастала.

Даже самый узкій специалистъ нашего времени—какой-нибудь кузнецъ, выковывающій одни гвозди, или запыленный гносеологъ, видящій жизнь только черезъ тускляя стекла своего кабинета,—даже они обладаютъ неизмѣримо большимъ богатствомъ переживаній, чѣмъ первобытно-цѣлостный человѣкъ временъ давно минувшихъ. И таково же должно оказаться различіе суммы жизни для односторонняго, противорѣчиво развивающагося человѣка нашихъ временъ—и для того гармоничнаго, разносторонняго существа, которое его смѣнить.

При громадномъ количественномъ различіи опыта и при коренномъ несходствѣ самаго типа жизни представитель одной фазы развитія человѣчества не въ силахъ даже понять представителя другой фазы, не въ силахъ конкретно вообразить его психиче-

скую жизнь; изслѣдуя ее, онъ можетъ только абстрактно характеризовать ея основныя черты, какъ дѣлаю это я по отношенію къ типу доисторическаго прошлаго и къ типу исторически намѣчающагося будущаго.

Тутъ возникаетъ вопросъ: имѣетъ ли смыслъ однимъ и тѣмъ же словомъ «человѣкъ» обозначать существа настолько разнородныя?

И да, и нѣтъ. Да, потому, что цѣпь развитія здѣсь все же непрерывна. Нѣтъ, потому, что мало пользы въ объединяющемъ *понятіи* тамъ, гдѣ реальныя различія преобладаютъ надъ сходствомъ, гдѣ нѣтъ психической связи и единства, достаточныхъ для взаимнаго *пониманія* живыхъ существъ. — Очевидно, что «*нѣтъ*» здѣсь вѣрнѣе, чѣмъ «да».

Итакъ, что же такое человѣкъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить вся обрисованная картина развитія.

Признаемъ ли мы человѣкомъ существо эмбрионально-простое, стихійное, чуждое развитія? Мнѣ кажется, нѣтъ.

Признаемъ ли мы человѣкомъ существо неполное, часть оторванную отъ своего цѣлаго, дисгармонически развивающуюся? Мнѣ кажется, нѣтъ.

Но если человѣкомъ мы признаемъ существо развитое, а не эмбріональное, цѣлостное, а не дробное, то нашъ выводъ будетъ такой:

Человѣкъ еще не пришелъ; но онъ близко, и его силуэтъ ясно вырисовывается на горизонтѣ.
